

РЕКИ ЛОНДОНА

РОМАНЫ

- 1 Реки Лондона
- 2 Moon Over Soho
- 3 Whispers Under Ground
- 4 Broken Homes
- 5 Foxglove Summer
- 6 The Hanging Tree
- 7 Lies Sleeping
- 8 False Value
- 9 Amongst Our Weapons

НОВЕЛЛЫ

What Abigail Did That Summer
The Furthest Station
The October Man

РАССКАЗЫ

Tales from the Folly

*Посвящается памяти Колина Рейви,
ибо есть на свете люди такого размаха,
что одной Вселенной для них мало...*

К чему провидеть, что грядет?
Беда в свой явится черед,
А радость может запоздать.
И мудрость — зло, не благодать,
Коль меньше знаешь — крепче спишь,
Безумство много знать.

Томас Грей,
ода «Вид издали на Итонский колледж»

Глава 1

Ключевой свидетель

ВСЕ НАЧАЛОСЬ ВО ВТОРНИК, в полвторого холодной январской ночи, когда Мартин Тернер, уличный актер и, по его признанию, начинающий жиголо, наткнулся на труп у западного портика храма Святого Павла, что в Ковент-Гардене. Мартин и сам-то был не слишком трезв, поэтому решил, что тело принадлежит одному из многочисленных гуляк, избравших храмовую площадь в качестве удобного туалета и ночлежки на свежем воздухе. Как истинный сын столицы, он тут же окинул лежащего «мгновенным лондонским» взглядом — его достаточно, чтобы понять, пьяный перед вами, псих или несчастная жертва. Тот факт, что один и тот же случай может легко сочетать в себе все три состояния, делает доброе самаритянство крайне экстремальным видом спорта в Лондоне — вроде прыжков с высоток или шоу крокодилов. Обратив внимание, что на теле неплохие туфли и пальто, Мартин квалифицировал его как пьяное. И только потом обнаружил, что у него не хватает головы.

Давая показания приехавшим детективам, Мартин отметил, что находился в подпитии, и это хорошо — потому что иначе он потратил бы много времени на бестолковую беготню и вопли, особенно когда обнаружил, что стоит в луже крови. А так, с серьезной ме-

тодичностью человека пьяного и напуганного, Мартин Тернер медленно набрал 999 и вызвал полицию.

Оперативный штаб направил туда ближайшую группу быстрого реагирования, и через шесть минут первые полицейские уже прибыли. Один из них остался с резко протрезвевшим Мартином, в то время как его коллега засвидетельствовал наличие мертвого тела и то, что при прочих равных несчастным случаем это, скорее всего, не является. Голова нашлась в шести метрах от тела — она закатилась за одну из неоклассических колонн портика. Полицейские сообщили в свое управление, оттуда информацию передали в окружной отдел расследования убийств, и через полчаса приехал тамошний дежурный констебль, самый младший по должности в своей команде. Едва увидев мистера Безголового, он кинулся немедленно будить своего шефа. Вот тогда отдел расследования убийств лондонской полиции прибыл уже в полном своем блеске и расположился на брусчатке между портиком храма и зданием рынка. Явился патологоанатом, констатировал смерть, провел предварительную экспертизу и увез тело на вскрытие (с этим произошла небольшая заминка — голова никак не помещалась в пакет для улики). Приехала толпа криминалистов, и, чтобы продемонстрировать свою полезность, они тут же потребовали расширить зону контроля вплоть до западного края храмовой площади. Для этого требовалось больше патруля, и старший следователь из отдела расследования убийств связался с участком Черинг-Кросс, попросить дополнительных людей. Старший смены, услышав волшебные слова «оплачиваемая переработка», отправился напрямиком в общежитие участка и устроил всем добровольно-принудительную побудку, выдернув их из теплых постелек. Таким образом, зона контроля была успешно расширена, экспертиза проведена, младшие следователи отосланы по неким

таинственным поручениям, и в пять утра все кончилось. Тело увезли, детективы уехали, а криминалисты единогласно признали, что больше ничего не сделаешь до рассвета — то есть в ближайшие три часа. А пока им нужна лишь пара человек — охранять место происшествия до конца смены.

Вот так я и оказался у Ковент-Гардена в шесть утра, на леденящем ветру. И по этой же причине именно я повстречал призрака.

Иногда я спрашиваю себя: что было бы, если бы я вместо Лесли Мэй пошел тогда за кофе? Наверно, моя жизнь была бы гораздо скучнее, но уж точно спокойнее и безопаснее. Интересно, такое с кем угодно могло случиться или же именно мне было на роду написано? Размышляя об этом, я каждый раз вспоминаю один мудрый афоризм моего отца: «А кто его знает, почему в жизни случается всякая хренотень?»

Ковент-Гарден — это большая площадь в центре Лондона. С восточной ее стороны находится Королевский оперный театр, в центре — крытый рынок, а с западной стороны — храм Святого Павла. Когда-то здесь был главный зеленой рынок Лондона, но его перенесли на южный берег реки еще до моего рождения. История у этого рынка длинная и насыщенная — в основном эпизодами, связанными с криминалом, проституцией и театром, но сейчас это в основном ярмарка для туристов. А храм Святого Павла еще называют Церковью актеров, чтобы не путать с кафедральным собором Святого Павла. Построил его Иниго Джонс в 1638 году. Я знаю все это потому, что, если вас до костей пробирает ледяной ветер, очень хочется на что-нибудь отвлечься. А на стене церкви как раз висит памятная доска, большая и очень подробная. Вот вам, например, известно, что первая жертва эпидемии чумы 1665 года, после которой Лондон сгорел, похоронена здесь, на храмовом кладбище? А я это узнал за те десять минут, что провел за стеной, прячась от ветра.

Сотрудники отдела убийств перетянули сигнальной лентой выходы с западной стороны храмовой площади на Кинг-стрит и Генриетта-стрит, а также фасад здания рынка. Я охранял выход со стороны храма и мог спрятаться от ветра в его портике, в то время как моя коллега Лесли Мэй, тоже стажер, стояла с другой стороны площади и могла укрыться в стенах рынка.

Лесли — невысокая блондинка с беспардонно выпирающим бюстом, который не в силах скрыть даже бронежилет. Мы вместе проходили базовый тренинг в Хендоне, а потом нас направили на стажировку в Вестминстер. Отношения у нас с ней установились исключительно рабочие, несмотря на мое затаенное, но страстное желание пощупать ее задницу под форменными брюками.

Нас, стажеров, должен был контролировать опытный полицейский — каковую обязанность он и исполнял весьма усердно, сидя в круглосуточном кафе на Сент-Мартинс-корт.

У меня зазвонил телефон. Добраться до него было непросто — мешали бронежилет, пояс, дубинка, наручники, рация и объемистый, но, к счастью, непромокаемый светоотражающий жилет. Взяв наконец трубку, я услышал голос Лесли.

— Я пойду возьму кофе, — сказала она. — Ты будешь?

Я высунулся из портика и глянул в сторону рынка. Лесли махала мне рукой.

— Спасительница, — сказал я. Она побежала в сторону Джеймс-стрит, я проводил ее взглядом.

Меньше минуты спустя я вдруг заметил у портика силуэт человека. Какой-то невысокий тип в пиджаке прятался в тени ближайшей колонны.

Я поприветствовал его так, как принято у нас в столичной полиции:

— Эй! А ну стоять!

Незнакомец обернулся, я увидел бледное испуганное лицо. Одет он был в старомодный потрепанный костюм-тройку, при нем были часы на цепочке, а на голове ветхий цилиндр. Я решил, что это один из уличных артистов, которые выступают на территории храмовой площади, — вот только час для представлений малость неподходящий.

— Сюда, идите сюда, — сказал он и поманил меня к себе.

Я еще раз проверил, на месте ли телескопическая дубинка, и двинулся вперед. Предполагается, что полицейские должны всем своим видом довлеть над простыми гражданами, даже если те настроены помочь. Вот почему мы носим тяжелые ботинки и остроконечные вытянутые шлемы. Но подойдя ближе, я понял, что человек этот совсем тщедушный, не выше пяти футов. Чтобы наши лица оказались на одном уровне, мне пришлось наклониться.

— Я видел, как все произошло, сквайр, — проговорил он. — Жуткое зрелище, должен вам сказать.

В Хендоне студентам первым делом вбивают в голову следующее: прежде всего у свидетеля нужно спросить имя и адрес.

— Могу я узнать ваше имя, сэр?

— Конечно, можете, сквайр. Меня зовут Николас Уолшени, только не спрашивайте, как пишется — я не знаю, потому что никогда не получаю писем.

— Вы уличный артист? — спросил я.

— Если вам так угодно, — отвечал Николас, — ибо до этих пор мои представления воистину ограничивались улицей. Но в такую студеную ночь я бы отнюдь не возражал против того, чтобы обратить свою деятельность вовнутрь. Если вы понимаете, о чем я, сквайр.

К лацкану его пиджака был пришпилен значок — оловянный скелетик, застывший в прыжке. Я подумал, что это чересчур готично для оборванного

трюкача из подворотни, но Лондон — всемирная сборная солянка, здесь чего только не встретишь.

«Уличный артист», записал я в блокнот.

— Теперь, сэръ, расскажите мне, что именно вы видели, — попросил я.

— Многое, сквайр, многое.

— Вы что же, давно здесь?

Насчет опроса свидетелей я также получил четкие инструкции: никаких намеков. Они всегда должны сами выдавать информацию

— Да-да, я здесь и утром, и днем, и ночью, — закивал Николас. Лекций в Хендоне он явно не посещал.

— Ну, если вы действительно что-то видели, — сказал я, — вам стоит поехать со мной и дать показания.

— Это будет несколько затруднительно, — ответил Николас, — учитывая, что я мертв.

Я подумал, что не расслышал.

— Если вас волнует ваша безопасность...

— Меня ничто уже не волнует, сквайр, — сказал Николас, — с тех пор, как я умер, то есть последние сто двадцать лет.

— Но мы же разговариваем! — вырвалось у меня. — Как это возможно, если вы мертвы?

— Должно быть, у вас особое зрение, — ответил Николас. — Как у старушки Палладино¹.

Он пристально на меня посмотрел.

— Это у вас, верно, от отца. Кто он, моряк? Или работал на верфи? Вот и губы у вас его, и этими славными кудряшками тоже наверняка он вас наградил.

— Докажите, что вы мертвы, — попросил я.

— Как пожелаете, сквайр, — проговорил Николас и шагнул в круг света от фонаря.

Он был прозрачный, как голографическая картинка. Трехмерный, абсолютно реальный — но про-

¹ Эвсапия Палладино — медиум эпохи расцвета спиритуализма из Неаполя, Италия.

зрачный, черт его дери! Сквозь него я ясно видел белый полог, растянутый криминалистами над местом, где нашли труп.

«Ну ладно, — подумал я. — Поехавшая крыша еще не повод пренебрегать служебными обязанностями».

— Расскажите, что вы видели, — попросил я.

— Я видел, как первый господин — тот, которого убили, — шел от Джеймс-стрит. Видный такой, бравый, с военной выправкой, элегантен весь — этакий щеголь. Во времена моей телесности я бы сказал «первого сорта».

Николас сплюнул — но на асфальт под ногами не упало ни капли. Он продолжал:

— Потом гляжу — идет второй, со стороны Генриетта-стрит. Не такой разряженный: штаны на нем самые простецкие были да клеенчатая рыбацкая накладка. Вон там они встретились. — Николас указал на пяточок метрах в десяти от портика. — И я вот что думаю: эти двое друг друга знали. Они кивнули друг другу, но чтобы остановиться и поболтать — это нет. И неудивительно: в такую погоду не дело на улице лясы точить.

— Так, значит, они просто разминулись, и все? — переспросил я, отчасти для ясности, но в основном чтобы успеть все записать. — И вы думаете, они знакомы?

— Да, но не более, — ответил Николас. — Вряд ли они были приятели, особенно если учесть случившееся потом.

Я спросил, что же именно случилось потом.

— Так вот, тот, второй, который убийца, вдруг надел колпак и красный сюртук, поднял свою трость и тихо, незаметно, очень быстро — так сон смежает веки — оказался за спиной у первого и одним ударом снес ему голову с плеч.

— Вы издеваетесь? — не поверил я.